

Анатолий Франс

На белом камне

Роман

Таис

Повесть

Перламутровый ларец

Сборник новелл

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(2)

**Оригинал-макет книги для PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»**

Перевод с французского Е. Гунста и Я. Лесюка

Франс, А.

На белом камне. Таис. Перламутровый ларец: Сборник рассказов и повестей / Анатоль Франс. Перевод с франц. Е. А. Гунста, Я. З. Лесюка. — Москва: ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021. — 498 с.

ISBN 978-5-521-74827-3

Социально-философский роман-утопия «На белом камне» — один из самых ярких, увлекательных романов французского писателя Анатоля Франса. В нем писатель воссоздает картины архаичного древнегреческого и древнеримского общества, а за ними следует утопическое изображение коммунистического общества будущего.

Философская повесть «Таис» основывается на церковном предании об обращении в христианство александрийской куртизанки, ставшей после смерти святой Таисией. Повесть имела грандиозный успех и пользовалась популярностью не только во Франции, но и в Англии, Италии, Америке и России.

Также в книгу вошли избранные новеллы из сборника новелл «Перламутровый ларец», посвященных раннему христианству и стилизованных в форму церковных легенд.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-521-74827-3

© Перевод. Е. А. Гунст, наследники, 2021
© Перевод. Я. З. Лесюк, наследники, 2021
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

НА БЕЛОМ КАМНЕ

Ты словно спал на белом
камне, в стране грез.

«Филопатрис»¹, XXI

Глава первая

Несколько французов, соединенных узами дружбы, проводили весну в Риме и частенько встречались на месте раскопок Форума. Это были Жозефен Леклер, атташе посольства в отпуску; г-н Губен, лицензиат словесности, ученый комментатор; Николь Ланжелье, отпрыск старинного рода Ланжелье, парижских книгопечатников и гуманистов; инженер Жан Буайи; Ипполит Дюфрен, который располагал досугом и любил искусство.

Первого мая, часов в пять вечера, они, по обыкновению, прошли через неизвестную широкой публике ка-

¹ *Филопатрис* (греч.) — название памфлета, приписываемого греческому сатирику Лукиану (ок. 120 — после 180 г.). Как полагает большинство исследователей, памфлет был написан в конце X в., настоящий автор его неизвестен. Название памфлета в русском переводе — «Патриот, или Слушающий поучения».

литку на северной стороне площади, где командор Джакомо Бони, руководитель раскопок, с молчаливой приветливостью встретил их и проводил до порога своего деревянного дома, стоявшего среди лавров, бирючины и ракитника над огромным рвом, который вырыт в прошлом веке посреди воловьего рынка папского Рима и доходит до поверхности древнего Форума.

Тут они останавливаются и смотрят вокруг.

Прямо против них торчат изуродованными столбами почетные стелы, а на месте базилики Юлия виднеется нечто вроде огромной шашечной доски, уставленной шашками. Дальше к югу три колонны храма Диоскуров купают в лазури небес свои синеющие волюты. Правее — над разрушенной аркой Септимия Севера и над высокими колоннами храма Сатурна — громоздятся на Капитолии дома христианского Рима и здание женской лечебницы, споря с водами Тибра желтизной и грязным оттенком своих фасадов. Левее вздымается Палатин, окаймленный большими красными аркадами и поросший на вершине вечно-зелеными падубами. А внизу — от одного холма до другого — меж плит Священной дороги, что не шире деревенской улицы, прямо из-под земли высовываются кирпичные стены и мраморные основания — остатки зданий, стоявших на Форуме во времена могущества латинян. Клевер, овес и полевые травы, посеянные ветром на верхушке осевших развалин, образовали над ними сельскую кровлю, где пламенеет дикий мак. Везде — обломки карнизов, множество колонн и алтарей, нагромождение ступеней и оград, и

все это, разумеется, не маленькое, однако отнюдь не грандиозных, а скромных размеров.

Должно быть, Николь Ланжелье мысленно представил себе ансамбль памятников, некогда стоявших, тесно прижавшись друг к другу, на прославленной площади.

— Эти сооружения умеренной величины, выдержанные в мудрых пропорциях, — проговорил он, — отделялись одно от другого тенистыми улочками. То были те самые *vicoli*¹, которые так любят в южных странах, и благородные потомки Рема, выслушав речи ораторов, находили неподалеку от храмов прохладные уголки, где можно было поесть и отдохнуть, где постоянно пахло отбросами, ибо кожа арбузов и осколки раковин никогда не выметались. Конечно, из лавчонок, окаймлявших площадь, доносился острый запах лука, вина, жаркого и сыра. На прилавках мясников грудой высилось мясо, и зрелище это радовало взор крепких горожан; у одного из мясников Виргиний и взял нож, которым убил свою дочь. Тут же, должно быть, располагались золотых дел мастера и продавцы домашних божков, покровителей очага, стойла и сада. Все необходимое для жизни граждан было собрано на этой площади: рынок и склады, базилики — иначе говоря, торговые биржи и гражданские суды; курия — этот городской совет, управлявший впоследствии целым миром; тюрьмы с подземельями, откуда доносилась

¹ Переулки (итал.).

ужасающая вонь; храмы и алтари, без которых не могут обойтись жители Италии, — ведь у них всегда есть просьбы к небесным властям!

Именно здесь и совершались на протяжении веков заурядные или необыкновенные деяния, почти всегда нелепые, нередко отвратительные или смехотворные, порою благородные, совокупность которых и составляет величественную жизнь народа.

— А что это вон там, посреди площади, перед основаниями почетных стел? — осведомился г-н Губен; водрузив на нос пенсне, он обнаружил нечто новое на древнем Форуме и желал получить разъяснения.

Жозефен Леклер предупредительно ответил, что это недавно открытый фундамент колосса Домициана.

Затем он указал пальцем на другие памятники, обнаруженные Джакомо Бони за пять лет плодотворных раскопок: водоем и колодезь Ютурны под Палатинским холмом; место сожжения тела Цезаря и воздвигнутый там алтарь, основание которого лежало у их ног, против ростральных колонн; архаическую стелу и легендарную могилу Ромула, где покоится черный камень с Комиция, и «озеро» Курция.

Солнце садилось позади Капитолия и стрелами своих последних лучей ударяло в триумфальную арку Тита на Верхней Веллии. На западе уже всходила бледная луна, но небосвод оставался голубым, точно днем. Ровная, спокойная, прозрачная дымка окутывала молчаливый Форум. Землекопы, бронзовые от солнца, вскапывали это поле камней, а их товарищи, уподобляясь в своем

труде древним царям, вращали колодезный ворот, чтобы добыть воду, которая все еще омывает русло, где в дни благочестивого Нумы дремал Велабр среди зарослей камыша.

Рабочие трудились усердно и бодро. Ипполит Дюфрен, уже несколько месяцев наблюдавший за тем, как старательно они работают, как толково и охотно выполняют все приказания, спросил у руководителя раскопок, как ему удалось добиться от своих работников такого отношения к делу.

— Я живу, как они все, — объяснил Джакомо Бонн. — Вместе с ними копаю землю, рассказываю о том, что мы ищем, и помогаю им понять красоту нашего общего дела. Они увлечены работами, величие которых смутно чувствуют. Я заметил, как они побледнели от восторга, когда разрыли могилу Ромула. Они видят во мне своего товарища, и, если кто-либо из них заболевает, я сажусь у его изголовья. Я полагаюсь на них, а они — на меня. Вот почему у меня такие надежные работники.

— Бони, дорогой Бони, — воскликнул Жозефен Леклер, — вы знаете, как я восхищаюсь вашим трудом, в какое волнение приводят меня ваши великолепные открытия; и все-таки я сожалею — уж позвольте мне быть откровенным — о тех временах, когда стада паслись над погребенным Форумом. Белый вол с крутым лбом, увенчанным широко расставленными рогами, пережевывал жвачку на пустынном лугу, пастух дремал у высокой колонны, выступавшей из травы... И люди

думали: «Здесь когда-то решались судьбы мира». С тех пор как Форум перестал быть Campo Vaccino¹, он безвозвратно потерян для поэтов и влюбленных.

Жан Буайи заметил, что раскопки, производимые по строгой методе, содействуют познанию прошлого. И разговор зашел о философии римской истории.

— Латиняне сохраняли рассудительность даже в своих религиозных верованиях, — сказал инженер. — Они поклонялись богам ограниченным, простоватым, но исполненным здравого смысла, а порою и благородства. Сравните римский Пантеон, состоящий из воинов, должностных лиц, девственниц и матрон, с чертовщиной, изображенной на стенах этрусских гробниц, и вы увидите лицом к лицу рассудок и безумие. Картины ада, запечатленные в могильных склепах Корнето, являют нам чудищ, порожденных невежеством и страхом. Эти изображения кажутся такими же гротескными, как фреска Орканьи «Страшный суд»² в храме Санта-Мария-Новелла во Флоренции или его же фреска, навеянная Дантовым адом, на Campo-Santo³ в Пизе; латинский же Пантеон неизменно являет собою образец хорошо организованного общества. Боги римлян, как и сами римляне, отличались трудолюбием и благонамеренностью. То были боги полезные; каждый занимался своим делом. Даже нимфы и те несли гражданские и политические обязанности.

¹ Коровье пастбище (*итал.*).

² Андреа да Чоне, известный под именем Орканьи (1308—1369), итальянский художник раннего Возрождения.

³ Кладбище (*итал.*).